

A cinematic close-up of a young man and woman looking at each other in a snowy environment. The man is on the left, wearing a brown leather jacket and a blue scarf. The woman is on the right, wearing a green scarf and a light-colored top. The background is a soft, out-of-focus snowy scene.

Маркес Блестящий

Книга Судеб

Маркес Блестящий
Книга Судеб

«Автор»

2026

Блестящий М.

Книга Судеб / М. Блестящий — «Автор», 2026

Лиам, школьник, который не запоминает лица, встречает Лиру. Их дерзкие розыгрыши перерастают в глубокую связь. Когда Лире грозит переезд, они понимают, как дороги друг другу, и решают бороться за своё странное, честное счастье вместе.

© Блестящий М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Мороженое и тень	5
ГЛАВА 2. ПОДНОЖКА	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Книга Судеб

*Я собрал тут несколько баек. Одни
достал из чужих снов, другие
подслушал у смерти, третьи...
выдумал от скуки. Не ищите в них
морали или смысла. Их тут нет.
Зато есть запах озона перед
дождём. Если учуяли его — мои
поздравления, вы попались. Значит,
история уже начала вас менять. Ваши
циничней слуга.*

Маркес Блестящий

Глава 1. Мороженое и тень

*«Улыбка, малыш... улыбка — это
лучшее, что есть в человеке.
Потому что это мост. Между тем,
что у нас внутри, и тем, что
снаружи. Ты не совсем человек...
пока не научишься её улыбаться. И
— что ещё важнее — дарить.»*

Небольшое кафе с витриной, залитой вечерним солнцем. Стелются сладкие запахи ванили и жареного теста. За столиком у окна сидит Войд с семилетней Лирой. Перед ней — шарик клубничного мороженого в вазочке. В его руке была чашка, которая ещё пару глотков ранее была полной. Он только что забрал её у бывшей жены для стандартного «воскресного папы». В воздухе висит лёгкое напряжение. Лира ковыряет ложечкой мороженое, но не ест. Её брови сдвинуты. Она смотрит не на десерт, а на улицу, где проходят люди с каменными, усталыми лицами. Лира: (Не поднимая глаз) Пап... А что такое улыбка? Войд: (Отвлечён от своих мыслей, смотрит на неё озадаченно) Что, крошка? Мороженое не сладкое? Лира: (Качает головой, наконец смотрит на него. В её глазах — далеко не детское любопытство) Нет. Оно вкусное. Просто... Я смотрела. Тётя за окном... она шла и смотрела в землю. И дядя у киоска... он такой сердитый. И мама иногда... (замолкает, чувствуя запретную территорию) Почему они не улыбаются? Разве они... не могут? Вопрос повисает в воздухе, невинный и страшный своей простотой. Войд отставляет чашку. Весь его цинизм, вся усталость от мира, кажется, отступают перед этим взглядом. Он хочет дать ей не просто ответ. Он наклоняется к ней через столик, его голос становится тише, точнее. Войд: Улыбку нельзя сделать, если не хочешь, Лира. Её нельзя «включить» или «выключить», как свет. Её... можно только поймать. Он протягивает руку, как будто ловит что-то невидимое в луче солнца между ними. Войд: Она прилетает, когда её не ждёшь. Иногда — от вкуса мороженого, иногда — от смешной птицы на ветке, или просто потому, что рядом тот, кто тебе дорог. И её нужно успеть поймать. Мягко зажать в ладонях, как бабочку. Обследовать миллиметр за миллиметром — где уголки губ взлетают, где у глаз сходятся в лучи. Запомнить. Вкус, запах, свет в этот миг. Лира заворожённо смотрит на его пустую ладонь, потом на его лицо. Он не улыбается. Его лицо похоже на того, кто показывает чудо. Войд: Их нельзя угадывать, крошка. Нельзя подделывать. Фальшивая улыбка... она как пластиковый цветок. Не пахнет. Не растёт. Не живёт. Она только напоминает, каким должен быть настоящий. Он наконец делает паузу, и в его глазах появляется что-то тёплое, печальное, настоящее. Он кладёт свою большую руку поверх её маленькой, всё ещё сжимаю-

щей ложку. Войд: Улыбка, малыш... улыбка — это лучшее, что есть в человеке. Потому что это мост. Между тем, что у нас внутри, и тем, что снаружи. Ты не совсем человек... пока не научишься её улыбаться. И — что ещё важнее — дарить. Не потому что «надо». А потому что не можешь удержать её внутри. Потому что она переполняет тебя и должна стать чьим-то ещё солнышком. Лира молча слушает. Мороженое тает. Она сжимает его пальцы в ответ, и её собственное личико медленно, нерешительно, озаряется первой осознанной улыбкой — не из-за мороженого, а из-за понимания, того, что получила тайное знание. Лира: (Её голос становится тихим, почти шёпотом) Мне... грустно. Что люди не могут быть счастливы. Что их... некому защитить. Чтобы они могли поймать свои улыбки. Этот ребёнок только что сформулировал его собственную, ещё неосознанную тоску. Войд чувствует, как у него внутри что-то сжимается — от гордости, ужаса и безмерной любви. Он не знает, что сказать. Он просто сжимает её руку чуть сильнее. Войд: Я знаю, крошка. Я знаю. Но иногда... просто поймать свою — это уже победа. Съешь мороженое, а то совсем растает. И поймай свою улыбку — я вижу, она уже где-то тут порхает. Лира кивает, и теперь её улыбка становится уверенней, солнечной. Она принимается за мороженое с новым чувством. Он смотрит на неё и думает, что, возможно, именно такие моменты и есть та самая, единственно стоящая защита. Защита её мира, в котором улыбки можно изучать, как драгоценности. Он уже понял, что это было несколько часов назад, когда он передал её обратно матери на опустевшей ночной улице, это был их последний разговор на следующие четыре года. Что улыбка на её лице в этот миг станет тем самым сокровищем, которое он будет бесконечно «обследовать миллиметр за миллиметром» в своей памяти, пока не сотрёт грани боли.

ГЛАВА 2. ПОДНОЖКА

На всё готов я ради вас,
Я всё готов здесь разрушить.
Хочу любви, не видеть горя,
Тону как спичка, спичка в море.

Первая встреча Лиам перевелся в новую школу. Он выходил после первого дня, не сумев запомнить ни одного лица. Воздух вокруг был свеж, пахнул новой жизнью. Осматриваясь, он уловил лёгкое движение — девушка. Он попытался её вспомнить, но не смог. У него всегда была эта особенность: Лиам никогда не запоминал людей с первого, второго, даже третьего раза. Со стороны могло показаться, что прошло лишь мгновение. Она подошла так близко, что он едва не потерял равновесие. — Ты же новенький, да? — её голос прозвучал прямо рядом. Она взяла его под руку. — Проводишь меня до дома? Не дожидаясь ответа, она приблизилась почти вплотную. Лиам попытался отступить, но и лёгкого толчка было достаточно, чтобы он пошатнулся. Она этим воспользовалась — сделала небольшой, но точный толчок. Не понимая, что произошло, Лиам оказался на спине, весь в снегу, с пылающим лицом. А она смеялась. Её смех был чистым, нежным, звонким. Лиам был смущён, слегка зол, его одолевала обида. В голове роились мысли, что сказать, что сделать, чтобы она извинилась. Но не успел он вымолвить и слова, как она поцеловала его в щёку. — Прости, я не смогла пройти мимо и не пошутить. До завтра, новенький. После странной встречи он не мог заснуть, не мог выбросить её из головы. Было обидно и неприятно. Он полон был решимости пошутить над ней в ответ. В ушах звенела одна мысль: «Я заставлю её извиниться. Хочу, чтобы она побывала на моём месте». Практически не проспав, он пришёл на кухню. Там его ждала мама, Лизавета Степановна. — Ты уже проснулся? Садись, милый. Прости, что вчера не встретила. — Да-да, у тебя работа. Ты должна спасать жизни. Я не обижен, мам, правда. — По тебе не скажешь! От тебя исходит обида. — Я обижен на другую. Не на тебя, мамуль. — Неужели я так много пропустила? Как много может произойти за один день. Лиам хотел рассказать, но смущение и обида не позволили. — Ничего такого, правда. Он налил новую чашку чая и взглянул на время, хотя в этом не было смысла — он жил прямо напротив школы. — «Ничего такого», Лиам? Можешь говорить что хочешь, но ты бы не был так зол, если бы это было «ничего такого». — Ладно, мамочка, мне пора собираться. — Хорошего дня. — И тебе. Люблю тебя. — И я тебя. По дороге в школу ничего особенного не случилось. Разве что той энергичной девушки не было видно. Хотя казалось невозможным не заметить её — она излучала такое поле хаоса, будто вокруг неё всё приходило в движение. Будто так и должно быть. В школе он тоже её не видел. Даже когда прозвенел звонок, её не было. Он сел за единственное свободное место у окна. Учительница объявила новую тему. Как только она закончила, в класс ворвалась Она. — Извините, Ольга Дмитриевна, за опоздание. Разрешите войти? — Входи, Лира. Как так можно — отличница, а на неделе уже восьмое опозданий? Ты должна подавать пример, — сказала учительница ей вслед. Когда Лира оглянулась, выбирая место, все поняли: мест нет. — Новую парту в класс так и не занесли. Ладно, сходи к Ивану Ивановичу, — вздохнула Ольга Дмитриевна. — Лиам, сходи с Лирой за новой партой, заодно Лира покажет тебе школу. Двух зайцев одним махом. — Хорошо, раз так хотите. За пределами класса — Неужели я тебе так понравилась, что ты не упустил шанс побыть со мной наедине? — её тон был насмешлив. — Нет. Ты слышала, что сказала Ольга Дмитриевна. Я просто хочу помочь. Да и школу вашу не знаю. Ищу место, где можно ничего не делать. — Так ты меня никогда не заполучишь, — прозвучало как издёвка, способ разрядить вчерашнюю обиду. — Очень нужно. Ты покажешь школу или нет? — Так мы

на «ты»? Хорошо. Пойдём. На первом этаже столовая и спортзал. Классы в основном на втором и третьем. Туалеты только на первом и третьем. Нам на третий, в мастерскую, там и склад. Он слушал её заворожённо, будто сердце выскакивало из груди. Внутри происходило странное: обида боролась с желанием слушать её вечно, а от того смеха в жилах закипала кровь. — И где лестница? Или вы туда телепортируетесь? — Если бы я могла, я бы не опаздывала. — Если бы ты могла, ты бы опаздывала. Неважно, где живёшь или как быстро ходишь. Важно уметь рассчитывать время, — сказал он, словно делился великой мудростью. — Это было очень нудно. Но я попробую. Ты этого ждал, да? — её смех оглушил пустые коридоры. — Думаешь, я без тебя этого не знала? Обида снова накрыла его с головы до ног. Глупо пытаться учить кого-то жить. — Вот лестница. Пошли. Дальше шли молча. Лиам осматривал стены, таблички. — Нам сюда, — голос Лиры вырвал его из раздумий. Извините, в нашем 6 «А» не хватает парты. — Ты уверен? Раньше всем хватало, — голос Ивана Ивановича был спокойным, вежливым. От него исходил запах дерева и надёжности. — Это из-за того, что я перевёлся. Теперь мест не хватает. — А, вот оно что. Ладно, на складе есть пара новых. Но ты уверен, что унесёшь один? — Один? Я же с — Со мной, — подсказала Лира. — Да — Ты хочешь, чтобы девушка таскала с тобой эту тяжесть? Лучше позвать ещё одного парня. — Я никого не знаю. — Ну что бы вы делали без меня? — сказала она надменно. Сердце Лиамы ушло в пятки. Лира быстро скрылась и вернулась с парнем. Тот выглядел не очень сильным, будто вот-вот упадёт. «Ладно, — подумал Лиам. — Втроём справимся». Парня звали Сэм. На удивление, он не жаловался на тяжесть. По пути разговорились — о школе, об увлечениях. Как выяснилось, Сэма тоже разыграли, когда он был новеньким. Лира, если можно так сказать, отвечала за веселье и не позволяла никому скучать. — Такой шторм просто не может допустить спокойствия вокруг, — усмехнулся Сэм. — Слушай, а давай над ней подшутим? Отомстим. — Мсть — дело благодарное. Но пошутить я не против. — Отлично. У меня есть план. Ты говорил, она должна стать старостой? — У тебя есть план? Может, расскажешь? Или мне мысли угадывать? — Не надо. Он простой, так что не смейся, если покажется детским. Как староста, она должна остаться после уроков и проверить дежурных на своём этаже, так? — Ну и — Потерпи. Давай подготовим ловушку в классе. Предложим ей «помочь», а сами будем смотреть и смеяться. — Хм Она такого точно не ожидает. Но будет странно, если она одна попадётся. Давай сначала мы попадём, а потом, в самый унижительный момент, — она. — Супер! Но когда нам успеть сделать столько ловушек? — Скажем учителям, что хотим помочь, а сами всё подготовим. Давай, ты делаешь простые, а я — сложную. — А почему это ты — сложную? Я хотел. — Ну я с ней дольше знаком. И она надо мной больше издевалась. — Ладно, логично. После подготовки — И почему вы двое хотите мне помочь? — подозрительно спросила Лира. — Ну как же мы, простые смертные, можем заставить тебя работать? — начал Лиам. Сэм подхватил: — Да, мы же не можем обречь тебя на тяжкий труд. — Хорошо, помогайте, разрешаю, — самодовольно кивнула Лира. Её тон говорил, что она не подозревает о подвохе. «Наконец-то, — ликовал в душе Лиам. — Мсть свершится, и смеяться буду я». — Лиам, ты помнишь план? — шёпотом спросил Сэм. — Сначала я. Она успокоится, подумает, что ловушка одна. Потом — она. — Хорошо. — Пойдёмте, мои подданные. Нужно проверить этот кабинет, — с важным видом повела их Лира. — Давай я, Лира, — вызвался Сэм. — Странно. Ну ладно. Сэм вошёл в кабинет, стараясь не переигрывать. Лиам посмотрел на Лиру — она ничего не подозревала. Как только Сэм залез под парту, на него хлынула струя кетчупа. Раздался громкий смех Лиры. Лиаму даже понравился этот звук. Он вспомнил, как в младших классах разыгрывал друзей. Но сейчас нельзя отвлекаться. Однако непрощенная улыбка всё же прорвалась. — Ха-ха-ха! Да это было смешно! Но было бы лучше, если бы это был новенький! — сквозь смех произнесла Лира. «Нет, она этого заслуживает», — подумал Лиам. Они подходили к следующему кабинету. Смех Лиры разносился по опустевшим коридорам. — Ну что, это мой кабинет. Не хотелось бы, чтобы вы пострадали, мисс мисс — Неужели ты опять забыл моё имя? Ладно, в последний раз повторяю:

Ли́ра. Если забудешь снова, будут санкции. — Хорошо, постараюсь, — кивнул он. «И что она мне сделает?» Лиам спокойно вошёл в кабинет. Он знал, что его ничего не ждёт. Но тут резко на него упало ведро, доверху наполненное мелом и яйцами. Сэм, который вернулся из туалета, и Ли́ра буквально рухнули на пол от смеха. Оказалось, Сэм на этапе подготовки предупредил Ли́ру и решил переиграть Ли́ама. — Прости! — смеясь, выдохнул Сэм. — Я просто не мог её разыграть! У меня не было выбора. Я боюсь её санкций, и мы слишком хорошо дружим. Это был бы позор на всю школу — королеву розыгрышей разыграли. Прости, правда! Лиам не особо сердился. Ему даже отчасти было смешно. Но промолчать во второй раз он не мог. — Я же тебе доверился — с небольшой обидой, но и с улыбкой произнёс он. — И как мне это отмывать? Хотя мне идёт. Теперь я как ёлка. Его слова остановили смех Ли́ры. — Точно, ёлка! Я же обещала помочь с ней. Ребята, закончите без меня, я потом присоединюсь, пожалуйста! — Хорошо, но мне нужно в уборную, — сказал Лиам. В его голосе не было злости. Ему даже понравилось, что так быстро появились новые друзья. Хотя неприязнь к тому, что ты по уши в мелу и яйцах, никуда не делась. После «весёлого» дня Лиам вернулся домой. На удивление, мама закончила раньше. Он хотел обсудить с ней произошедшее. Лизавета Степановна только рассмеялась. — Наконец-то кто-то смог поставить тебя на место, сыночек! Ты ведь так веселился только когда мы переехали из 13-й или 15-й школы? Честно, не помню. Мы переезжаем из-за моей работы слишком часто. В её голосе звучала не только радость, но и лёгкая грусть. — Даже слишком поставили. Мне аж захотелось её ещё сильнее разыграть. — Это на которую ты с утра обижался? Или я ошибаюсь? — Да, это она. Неважно, что вы себе придумали, но я обязан её разыграть. — А не боишься, что она отбриет тебя или больше не захочет общаться? — Наверяд ли, мам. Думаю, она посмеётся. Ладно, я покушал, сейчас сделаю уроки и лягу спать. Географию он сделать не смог — один пропущенный урок дал о себе знать. Пришлось решить попросить учителя о помощи. На следующий день Лиам шёл в школу, полный азарта. Он хотел свергнуть королеву шуток и занять её трон. Но не сегодня. Накануне мама позвонила Ольге Дмитриевне и попросила объяснить сыну пропущенную тему. Та, после некоторых колебаний, согласилась. — Так уж и быть. Но с ним будет заниматься не я. У меня есть человек, который помогает отстающим. Хоть он и отстал из-за моей оплошности с партой. После уроков Лиам поднялся на второй этаж, в кабинет 14. — Можно войти?.. ТЫ?! — Не «ты», а стоп. Ты помнишь, как меня зовут? — Ли́да, Ли́ма, Ли́за — Нет. Ли́ра. Я обещала санкции — ты их получишь. Садись. — Ты будешь меня учить? — Да. Ты что, не веришь? Думаешь, я не смогу? Не забывай, я отличница. И нагоняла материал столько раз, что мне не сложно и другим помочь. — Ну, с учётом твоих пропусков Ли́ра была раздражена его комментарием, но не стала отрицать. — Ты и дальше будешь в коридоре стоять? — Нет. Он сел за парту напротив. — И что тебе непонятно? Он хотел ответить, но она уже начала объяснять. Долго, упорно, вбивая знания в его голову. Ли́аму нравился этот урок. Он слушал её, но мозг отказывался запоминать. Он думал о ней. Хотел остаться с ней наедине. Он только сейчас заметил, насколько она красива: заразительная улыбка, уголки губ, лицо, которое хотелось изучать миллиметр за миллиметром. — Ну, теперь-то ты понял? Лиам не хотел врать. Но сказать правду — что он не слушал — было бы ошибкой. — Дааа я всё понял. — Врать ты не умеешь. Придёшь ко мне домой. Я тебе всё объясню. Там ты не будешь отвлекаться. Я тебе не дам. — Но завтра выходные. Я собирался с друзьями — Да, я тоже собиралась погулять с подругами. Но я не виновата, что ты такой, — перебила она. В гостях у Ли́ры Следующим утром Лиам собирался к Ли́ре. Его мама ещё не вернулась с ночной смены. — И стоило ей звать меня так рано Ли́ра встретила его у подъезда. — Ты опоздал. Ладно, у нас много времени впереди. Заходи быстрее, а то я уже примерзнуть успела. Её дом был просторным, с большим количеством свободного места — странно для такого урагана, как она. — Слушай, зачем ты позвала меня так рано? — Всё просто. Ты завтракал? — Нет. — Вот ты и ответил. Я же обещала санкции. Еду предлагать не стану. — Но я буду отвлекаться на голод. — Не переживай.

Если замечу, что ты отвлекаешься, буду щипать. Не больно, но эффективно. Лиам уже понимал, что домой пойдёт весь исципанный и голодный. Но почему-то это его не пугало. Совсем. Лира не обманула. Как только взгляд Лиамы уплывал от тетради к линии её бровей или изгибу губ, он тут же чувствовал острую щипоту на предплечье. — Концентрация, — сухо говорила она, не отрываясь от чертежа. Щипки были действительно не больно, но унижительно. Как щенку, который напачкал. Но потом у него заурчало в животе — громко, на всю тихую квартиру. Лира подняла на него взгляд. Щипок последовал незамедлительно. — Это не отвлечение! Это физиология! — взвился он. — Не оправдывайся. Работай. Но через десять минут тишину нарушил уже её желудок. Лиам не удержался от ехидной усмешки. Их взгляды встретились. Он медленно, с вызовом, протянул руку и ущипнул её за запястье — совсем слегка, ровно с той же силой, что и она. Она замерла. Не со злостью, а с чистым, неподдельным удивлением, будто щенок сам поднялся и щёлкнул её по носу. А потом в её глазах вспыхнули знакомые искры. — Ах, так? — прошептала она. И понеслось. Щипки превратились в ловлю рук, в смех, в борьбу за диванную подушку как за щит. Геометрия полетела на пол. Он поймал её за обе кисти, она выкрутилась и щёлкнула его по лбу. Они дурачились, как пятилетки, забыв про санкции, про голод, про всё на свете. Пока не рухнули на ковёр, запыхавшиеся, с разгорячёнными щеками. — Сдаёшься, новенький? — выдохнула она, придерживая прядь волос, выбившуюся из хвоста. — Никогда, — он улыбался во весь рот. Такого расслабленного, глупого счастья он не чувствовал, кажется, с тех самых «других школ». — Кстати, об этом — Лира приподнялась на локте, изучая его лицо. — Ты вчера шёл домой и улыбался. Широко. Я видела из окна. Что это было? Лиам почувствовал, как уши наливаются жаром. Он и правда шёл и вспоминал, как она смеялась, как они с Сэмом тащили парту... и... — Это был хороший день, — выдавил он, отводя взгляд. — Странный, — поправила она, но в её голосе не было насмешки. Была лёгкая, почти невесомая задумчивость. — Но да. В каком-то смысле — хороший. На следующее утро в школе что-то изменилось. Не в правилах, а в деталях. Они по-прежнему общались колкостями. Когда он зашёл в класс, она, обсуждая что-то с подругами, на полуслове обернулась и кивнула ему. Просто кивнула. На перемене она сама подошла к его парте. — Ну что, ёлка, хоть что-то вспомнил? — спросила она, но в глазах играли те самые искры с дивана. — Вспомнил, как щипаться, — парировал он. — Это тоже полезный навык, — она улыбнулась. И вдруг, понизив голос, добавила: — Кстати, про ту улыбку Она мне понравилась. Выглядел ты так, будто нашёл что-то своё. Редкое. И, не дав ему опомниться или что-то ответить, развернулась и ушла, оставив его с внезапно забившимся сердцем и тёплым, смутным чувством, что игра вышла на совершенно новый, неизведанный уровень. Уровень, где щипки могут быть нежностью, а странная улыбка на пустой улице — самым ценным комплиментом. Геометрия щипков На следующее утро Лиам весь день чувствовал себя не в своей тарелке. Пустое место за соседней партой давило на периферии зрения. Она опаздывала. Но никогда не пропускала. Тревога, острая и необъяснимая, гнала его после уроков к её дому. Он стучал, уже готовый услышать насмешливый голос: «Что, соскучился, новенький?». Дверь открыла уставшая женщина с глазами, очень похожими на Лирины, только без единой искорки. — Ты Лиам? Она ждёт. Проходи. Лира сидела в той же просторной гостиной, но сейчас комната казалась не убежищем, а клеткой, из которой вынесли всё важное. На полу стояли картонные коробки. Она смотрела в окно, спиной к нему. — И зачем пришёл? Контрольную писать будем? — голос был ровным, пустым. Без привычных колючек. — Ты не пришла, — сказал он, глупо стоя посреди комнаты. — Гениальное наблюдение. Он подошёл ближе. На столе стояли две остывающие кружки чая. Она приготовила на двоих. Знала, что он придёт. Они пили чай в тягостном молчании. Шум ложки о фарфор резал слух. Лиам не выдержал. — Лира, что случилось? Она медленно повернулась к нему. В её глазах не было ни насмешки, ни огня. Только усталая, взрослая печаль. — Мы переезжаем. Завтра. В другой город. Поближе к отцу. Слова повисли в воздухе, тяжёлые и необратимые, как плиты. — Почему? — выдохнул он, чувствуя, как пол уходит из-под

ног. — Родители развелись. Кажется, только сейчас все формальности утрясли. Мама говорит, мне «нужна стабильность и мужское влияние». — Она сказала это с такой плоской, заученной интонацией, будто цитировала судебное постановление. — Но... школа... — он понимал, как это глупо звучит, но другие слова не приходили. — Будет другая школа. Другие люди, — она вдруг горько усмехнулась. — Знаешь, я ведь начала завидовать твоей особенностям. Не помнить. Это... экономит силы. Она отпила чаю и посмотрела прямо на него. Взгляд был пронзительным, обнажённым. — Ты помнишь, ты спросил, почему я «отвечаю за веселье»? Почему не даю никому грустить? Это был не совсем правильный вопрос. Правильный вопрос — от чего я их защищаю. Она закрыла глаза, и, казалось, комната наполнилась другим светом — тёплым, вечерним, пахнущим ванилью и тоской. — Когда мне было семь, отец объяснил мне, что такое улыбка. Что её нельзя подделывать. Что это мост. Что это бабочка. Я запомнила этот разговор на всю жизнь. Это был наш последний разговор перед тем, как родители развелись в первый раз. Я тогда решила: я буду тем, кто защищает улыбки. Кто создаёт ситуации, где их можно поймать. Потому что я видела слишком много людей, которые их потеряли. И я ненавижу пластиковые цветы. Она открыла глаза, и в них стояли слёзы. — А потом появился ты. С твоей обидой, которая была честнее любой вежливой улыбки. С твоей попыткой отомстить, которая была кривой, но настоящей. И с той улыбкой, когда ты шёл домой... Ты поймал её. В тот день. Я видела из окна. Лиам не мог вымолвить ни слова. Ком стоял в горле. — И теперь ты уезжаешь, — наконец выдавил он. — Да, — она попыталась улыбнуться, но получилась та самая, фальшивая, пластиковая улыбка, которую она так ненавидела. И тут же погасила её. — Прости. Не умею я прощаться по-хорошему. Прощание и бабочка Она встала, подошла к окну. За её спиной лежал город, который она пыталась исцелить своими дурацкими, прекрасными методами. — До завтра, новенький, — прошептала она в стекло. Но завтра для них уже не наступит. А Лиам стоял посреди полупустой комнаты, понимая, что только что потерял не просто однокурсницу. Он потерял хранилище улыбок. Она вышла во двор подышать перед тем, как уехать. В проёме стоял человек. Высокий, с уставшими глазами, в которых, однако, ещё теплилась та самая глубокая, печальная теплота, которую Лира только что описывала в своём воспоминании. Войд. Он молча оценил обстановку: коробки, две пустые чашки, девушку у окна и мальчика посреди комнаты, у которого на лице застыла такая неподдельная, детская потерянная, что сердце сжалось. — Лира? — тихо спросил он, но взгляд его был прикован к Лиаму. — В саду, — буркнула Лира в стекло. — Дышит перед дорогой. Войд кивнул, но не ушёл. Он сделал шаг внутрь. — А ты... Лиам, да? И почему ты выглядишь так, будто у тебя отняли последнее солнце? И Лиам прорвало. — Потому что она — это солнце. И оно... уходит. Я хочу видеть её каждый день. Хочу видеть, как она ловит свои улыбки и дарит их другим. Хочу быть рядом, когда она щиплет меня за невнимательность. Я обещаю заботиться о ней. О её улыбках. О её странной, честной, безумной вселенной. Я научусь. Войд долго смотрел на него. Молчание тянулось. Потом в уголках его глаз собрались те самые лучики — настоящие. — «Мужское влияние» и «стабильность» — это очень скучные аргументы в суде. Но «искреннее желание одного человека защитить улыбку другого»... Это аргумент другого порядка. Я поговорю с её матерью. Но это твоё обещание, Лиам. Оно теперь не только перед ней. Оно передо мной. Ты понял? Лиам резко развернулся и выбежал во двор. Она стояла под голым деревом. — Лира. Она обернулась. — Что? Пришёл официально попрощаться? Он не ответил. Он взял её под руку — так же, как она сделала когда-то с ним. И, не дав ей опомниться, сделал подножку — не чтобы уронить в снег, а чтобы нарушить равновесие, поймать. И он поймал. Их лица оказались в сантиметрах друг от друга. Время остановилось. А потом её взгляд изменился. Она увидела в его глазах не насмешку, а то самое обещание. И она закрыла расстояние сама. Поцелуй был странным, неумелым и бесконечно честным. В нём был шок, облегчение, горечь прощания и дикая надежда. Когда они наконец разъединились, она рассмеялась — тем самым, неконтролируемым, счастливым смехом. — Ты идиот! Совершеннейший идиот! — Зато ты не удари-

лась, — парировал он. Они стояли под голым зимним деревом, смеясь так, будто только что выиграли войну, украли у вселенной самый ценный приз. — Ладно, новенький, — сказала она, и в этом старом прозвище теперь звучала нежность. — Похоже, у нас есть один невыполненный долг. Надо помочь отцу убедить мою маму, что её дочери не нужно «мужское влияние» издалека. Ей вполне хватит... одного идиота под боком. И они пошли обратно в дом — рука об руку. Не как видом и видушая а уже на равне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.